

# АРХИТЕКТОР МЕТАФОР

# О ПИСАТЕЛЬСКОМ ДАРЕ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВИЧА ПРОХАНОВА

Окончание. Начало — на стр. 1

Михаил КИЛЬДЯШОВ. А я, с вашего позволения, посмотрю на всё глазами человека своего поколения и скажу о совсем субъективном, личном и сокровенном. Моя юность пришлась на нулевые годы, и я из того поколения, которое взросло под очарованием литературных и философских общностей рубежа XIX–XX веков. Мы в студенчестве восхищались символистскими кружками и журналами, Новосёловским кружком, Московским религиозно-философским обществом памяти Владимира Соловьёва. На сердце всегда была печаль от мысли, что на нашем веку вряд ли возможно что-то подобное. И вдруг появляется Изборский клуб. Появляется именно в ту пору, когда он был предельно необходим нашей истории. И появляется не просто как единство интеллектуалов. Павел Флоренский в своё время писал о Новосёловском кружке: "Мы не просто работаем, мы не просто размышляем, мы не просто издаём книги, мы любим друг друга, каждому до каждого есть дело". Нечто подобное получилось, как я уповая, в Изборском клубе. Это братство.

И второе, что очень важно. Мы, в отличие от множества нынешних интеллектуальных сообществ, не стали кабинетными философами. Мы, что называется, "проехались по стране". И одна из главных задач Изборского клуба, по замыслу Проханова, — это создание "гнёзд", отделений в регионах, достижение всероссийского охвата, преодоление извечной оппозиции "столица — провинция". Проханов мне всегда представлялся человеком, который, как Диоген с фонарём среди дня, ищет человека. И что особенно важно: Проханову, Изборскому клубу, "изборскому" сознанию каждый человек дорог во всей его полноте. Вы, наверное, как поэт и как философ не раз сталкивались с тем, что академические круги тебе говорят: "Да что ты занимаешься творчеством — всё уже написано до нас". А творческий круг говорит: "Да что ты там занимаешься этой научной сухостью, надо мыслить метафорами, образами...". Проханов же ты приобщаешься весь. Со всеми своими умениями, со всеми своими чаяниями, мечтаниями. Умение разглядеть человека — это великий дар.

И конечно, собрание русских земель, русских просторов: и в государственном смысле — сплочение регионов, и в символическом, метафизическом — тот самый Изборский холм. Мне отрадно, что в этом холме есть земля с могилами моего земляка — оренбургца Александра Прохоренко. И сколько ещё драгоценных земель там собрано! С мест русской боевой и трудовой славы, из литературных и молитвенных мест.

Что же касается хронологии жизни Проханова, то для меня как для человека, написавшего книгу о его творчестве "Ловец истории", эта хронология связана в первую очередь с прохановскими книгами. Первый этап — это уход городской интеллигенции в 60-е годы в русскую деревню, в леса, книга "Иду в путь мой". Затем технократические романы, когда Проханов как никто в русской литературе подкупил Русь и заводскую, мощную, имперскую цивилизацию, сняв противоречия между ними. Русская литература, как известно, не умела писать машину, она боялась машины. Завод в "Молохе" Куприна, теплоход "Атлантида" в "Господине из Сан-Франциско" Бунина, "Фабрика" Блока — во всём этом страх русской литературы перед машиной. Проханов — первый, кто посмотрел ей в глаза и увидел поэзию. Далее — войны: семнадцать войн, которые прошёл Проханов. Это особая синусоида, осевое время в жизни Проханова. Потом период жуткой тьмы, когда не стало советской Родины. Потом преодоление и выстраивание той самой пятой империи, взращивание её.

Я свою книгу издал в 2018 году. И это тоже для Проханова был юбилейный год. Я тогда не много печалился, что не виделось какого-то рубежа в этой книге: 2018 год — не 1991, не 1993, не 2014-й. А сейчас я понимаю, что 2018 год для Проханова, может быть, один из главных рубежей. И дело не в каком-либо знаковом историческом событии, а в том, что его восприятие времени кардинально изменилось. Если до 2018-го Проханов гнался за временем, за историей, то после 2018-го уже время погналось за Прохановым. Как говорили древние: "Всё на свете боится времени, но время боится египетских пирамид". Перефразируя: "Да, время стало пуск в не бояться Проханова, но просить его: "Зафиксируй меня!" Потому что скорость творческой реакции Проханова поразительна. Обычно прозаики очень долго раскачиваются. Внук пишет о той войне, на которой воевал дед: вспомним "Войну и мир". Скорость творческой реакции Проханова в этом смысле пример многим творческим людям.

Последние пятьлетие совершенно меняет всю прежнюю канву творческой жизни Проханова. Там появляется реверсивное время, когда в наши дни Проханов вновь возвращается к событиям 91-го и 93 годов, как в романах "ЦДЛ", "День" или в романе "Меченосец". Это попытка вновь не просто ретроспективно осмыслить то, что минуло, а вернуться в то время, где возможно привить черенок будущего какому-то плодотворному году или событию. Возникает особое семейное время. Образы матери, жены, что присутствовали во многих прохановских романах, теперь вышли на первый план. Таковы повесть "Деревянные журавли" о жене и роман "Он" о детстве. Согласитесь, у нас в последние годы нет достойных произведений о детстве. За исключением, может быть, "Соведства" Юрия Полякова. И тут Проханов пишет такую сокровенную, проникновенную книгу. Написать подростка — очень сложная литературная задача: он вроде бы ещё ребёнок, а у него уже взрослые искушения. Показать чистоту детства Проханову удалось как никому...

И совершенно особое метафизическое время — то, что Проханов художественно осмыслил параллельно с тем, что Изборский клуб осмыслял философски. Мы много говорим о русской мечте. Мы много говорим о проблеме трансгуманизма. Мы говорим о взращивании пятой империи. Обо всём этом у Проханова есть романы, особенно острые, яркие, плотные в последнее пятилетие: "Таблица Агеева", "Сыны Виссариона", "Тайник заветов".

Виталий АВЕРЬЯНОВ. Я бы хотел ещё несколько слов сказать о самом художественном методе Проханова. Кстати, не так много литературных критиков погружаются в эту материю. А это крайне интересно и важно, в том числе для "изборского" сознания. Потому что Проханов — это не совсем уж в чистом виде писатель. Так же как он не является в чистом виде политиком. Это действующий пророк в литературе. Почему пророк, я уже начал объяснять. Он провидел, в каком-то смысле предупреждал и предугадывал, а в каком-то смысле и формировал будущее. Как, например, в случае с Изборским клубом, с Изборским холмом и т.д. Поэтому что Изборский холм — родной брат Бессмерт-

ного полка, старший его брат. Это такая светская теургия, не противоречащая православию.

Мифологизация времени у писателя Проханова всегда органично соединялась со словом как оружием прямого действия. Особенно это ярко, конечно, проявляется в публицистике, в передовицах газеты "Завтра", которые читаются как художественные произведения посреди бушующего политического мира, политического спектакля, внутри которого мы жили и живём.

Соединение в одном лице действующего политика, общественного трибуна, патриарха патриотического движения и созерцателя, самоуглублённого поэта текущего момента — нечто подобное свойственно и большинству главных героев Александра Андреевича. Если мы посмтрим внимательно, они все у него удивительные. Вот самый главный его герой, из цикла "Семикнижие", — Белосельцев. Он разведчик, человек действия, военного действия, и в то же время — созерцатель, который, идя по этому своему жёсткому пути борьбы, схватки, вдруг опрокидывается в созерцание звёзд, цветов, любимой женщины, моря, леса. Окунается в эти стихи как эпическая личность. И многим читателям это непонятно, недоступно их уму. И в завершающем произведении про Белосельцева — "Певец боевых колесниц" — мы находим разгадку, почему это так. Созерцание героя переходит из земной уже во внеземную реальность, в Царствие Небесное, где все вопросы и сомнения разрешаются.

В большинстве романов Проханова мы видим галерею наших современников, иногда даже карикатурно изображённых, очень узнаваемых. И их узнаваемость многих отталкивала, вызывала даже ощущение издевательства. Как, например, покойного Бориса Немцова, когда он прочитал "Господин Геккоген". Понятно, почему: Немцов увидел там и себя, и своих соратников, чрезвычайно зримо выведенных и в то же время во многом напоминающих каких-то "насекомых"... Это могло казаться неприличным. Но критики не понимали главного: художественный метод работает здесь как оружие. Это не пасквили, а сатира, а подлинная сатира имеет метафизическую составляющую. В ней есть и высший ответ, который падает на политических ристалища. В то же время каждый из негативных героев Проханова может получить выход в иное измерение, когда расстанётся с этой жизнью, когда он уходит на дистанцию от борений этой жизни. Становится понятно, что всё-таки образ Божий в каждом из них всё равно есть, в каждом из этих "насекомых".

Надо сказать, Проханов действительно очень часто берёт образы непосредственно из жизни. Я могу об этом свидетельствовать. Ну, например, такой случай. Когда мы в 2014 году были в Донбассе и встречались с первым президентом ДНР Захарченко, тогда ещё бывшим кандидатом в президенты, тот повёз нас на передовую в районе Мариуполя. И там был самый настоящий фронтовой концерт в стиле Великой Отечественной войны. Пели актёры Донецкого драмтеатра, а среди местных был такой мужичок, который пустился в пляс. Может быть, даже он был не совсем трезвый. И потом я с удивлением узнал его в прозе Проханова — настолько выпукло он был изображён в романе "Убийство городов".

Думаю, что у Проханова много такого "подглядывания" за действительностью, когда те или иные вещи из жизни мастеров были перенесены в его художественный мир. Конечно, это относится и к политикам, и к достаточно узнаваемым общеизвестным фигурам. И в то же время вся эта узнаваемость обманчива, потому что каждый из персонажей всё равно пропущен через фокус вымысла, в этом художественном мире преобразён так же, как и сам главный или лирический герой, который не до конца и не всегда совпадает с самим Прохановым. Это некая двоящаяся, троящаяся сущность, в которой есть много чего. В том же "Убийстве городов" есть два больших писателя: старый и молодой. В принципе, и тот и другой — Проханов. И в то же время каждый из них не Проханов, потому что они оба — это возможность чего-то нового, чего-то небывалого.

При этом нельзя отрицать, что работа часто идёт с абсолютно реальными прототипами. В наиболее парадоксальном, наиболее хлестком виде это проявилось в цикле "Удар милосердия", состоящем из трёх романов. То есть не так, как говорили либералы: "Раздавите гадину!" А по-нашему — "удар милосердия". Если кто-то уже погибает, следует добить его, чтобы он не мучился. Таково милосердие. Трилогия, о которой я говорю, включает потрясающий "Русский камень", далее "Покайтесь, ехидны!" и "Подлётное время"... И там, мне кажется, вот эта ипостась сатирическая, карикатурная выведена уже на высший уровень. Сатира обращена в мощное непревзойдённое оружие деконструкции идейного противника. Документальность тех или иных образов, сюжетов претворена в фантаσμαгорию.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. А я вспоминаю один из ранних романов Проханова — "Кочующая роза". Там главный герой, тоже человек пишущий: "Я беру с собой в путь всегда блокнот журналиста и тетрадь писателя". Проханов как художник складывается из этого условного блокнота. Это человек, который всегда гонится за жизненным материалом, собирает факты, яркие случаи, прекрасно понимаю, что есть в жизни такое, что нарочно не придумаешь. Но необходима и тетрадь писателя, которая требует от тебя художественных поисков. Проханов для меня по-прежнему остаётся загадкой в плане творческого метода. Его ни к кому невозможно причислить и вряд ли в литературном плане у него могут быть ученики и последователи. С чем это связано? Творческие люди, которым бог дал жизненное долголетие, очень часто переживают по времени свой собственный творческий метод. Так случилось, например, и с Валентином Распутиным, и с Василием Беловым. То есть они всё главное сказали в определённый период жизни, в силу того, что их творческий метод остался в каком-то конкретном времени, в конкретных событиях и обстоятельствах. Проханов охотился за временем каждый раз с новым оснащением, и в каждом новом периоде в зависимости от того, какой был облик этого времени, возникал новый творческий метод.

К вопросу о том, возможны ли ученики Проханова... Для меня стал недавним открытием тот факт, что Александр Андреевич какое-то время был руководителем творческого семинара в Литинституте. И мне думается, подлинный учитель в творчестве тот, кто способен наставить так, чтобы ты в итоге не подражал наставнику, а раскрылся в своей личной сущности. И сегодня те, кто близко общается с Прохановым, понимают это. Нет никакого "прокрустова ложа", единомыслия или единой эстетики. Есть многообразие смыслов, форм. Как говорили святые: "В главном — единство, во второстепенном — свобода, во всём — любовь". Поэтому в прохановском творчестве мы видим столько эстетик, сколько хватило бы, наверное, на десяток авторов и на целую череду литературных направлений и течений.

Виталий АВЕРЬЯНОВ. Как раз это во многом объясняется тем, что он не просто писатель. Он больше, чем писатель. В России, как известно,

поэт больше, чем поэт. И я как историк русской мысли могу сказать, что её специфика в том, что в значительной степени она раскрывается через художественные произведения. Например, одним из величайших русских мыслителей является Фёдор Михайлович Достоевский. Лев Николаевич Толстой считается прозаиком-философом. Это такие на поверхности лежащие примеры. В сущности же тема бесконечная. Проханов, безусловно, является мыслителем в прозе. Не только потому, что там идут диалоги на философские темы. А потому, что каждый роман — это густок концептуальных мыслей, густок метафизики.

И я в этой связи хочу поделиться одним наблюдением, которое, может быть, многих удивит. Когда на некоем мероприятии журналист задаёт Александру Андреевичу вопрос или идёт какая-то полемика, или возникает потребность осветить новую тему — я вдруг обнаружил такую вещь. Сам Проханов в чём-то похож на многих своих героев, описываемых в романах, которые до конца не уверены, что они сейчас смогут что-то сказать убедительное. Они как бы находятся в некоей внутренней полупростерянности. Но потом вдруг какая-то сила заставляет собраться и пробиться к каналу, соединяющему их с истиной, с тайной и высшей реальностью, высшим потоком, где время течёт по-другому и где, может быть, наше время уже протекло и на него можно посмотреть со стороны и с высоты. И в этот момент изливается вот эта информация откуда-то, происходит "подключение к ноосфере".

В романе "Леонид" есть такая интересная фраза: "Русский человек хочет, чтобы с ним разговаривали на языке подсознания". И вот главный герой этого романа, Леонид, как раз умеет это делать. То, о чем я сейчас говорю, так или иначе чувствовали многие телезрители, которые видели передачи с Прохановым, многие его поклонники. Он не просто о чём-то говорит, он настраивает нас на определённую волну. А это волна русских кодов, конечно. Если человек находится на этой волне, то он сходу воспринимает послыл. Если не воспринимает русские коды, то всё это кажется ему глубоко чуждым. Вот по этой линии, можно сказать, проходит водораздел: по одну сторону те, кто с нами, по другую — те, кто не с нами. Есть те, кто с "изборским" сознанием может взаимодействовать, и есть те, кто с ним в резонанс не вступает. К счастью, подавляющее большинство русских людей, граждан России, россиян совместимы с "изборским" сознанием. Хотя не все об этом знают, конечно.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. В литературоведении есть такое понятие "духа характера": в начале повествования герой один, а потом он, постепенно изменяясь, становится иным. У Проханова же, скорее, не дуга, а какой-то революционный взрыв: Савл становится Павлом. Не постепенно, а одномоментно. И прохановская проза оказывает на читателя такое же революционное воздействие.

Расскажу одну историю. Однажды ко Дню народного единства меня попросили провести с незнакомыми студентами читательскую конференцию по поводу какого-нибудь современного патриотического романа. Я предложил студентам заранее прочесть роман Проханова "Таблица Агеева", посвящённый Русской Мечте, кодам Русской Мечты. Группа состояла из девушек педуниверситета, психологов. И, честно говоря, на встречу с ними я шёл с определённым скепсисом. Ну, думаю, девушкам на выпускном курсе, дембельское настроение... Что им там русские коды! Но когда я к ним пришёл, у них неподдельно горели глаза. Они настолько живо заговорили об этом романе, узнавая в нём Фёдора Конюхова, Александра Запдтастанова (Хирурга), Сергея Кургина... Студентки спрашивали: "А разве такое может быть? Человек живёт здесь, сейчас, он наш современный и уже стал литературным персонажем?" Для них было очень удивительно. Они мне стали рассказывать о сокровенных вещах, о своих детских и нынешних мечтах. То есть роман оказался литературой прямого действия. Литературой, способной повлиять на любого читателя. Это не отложенное действие, а живое и активное.

Виталий АВЕРЬЯНОВ. Это связано как раз с мгновенной возможностью выйти на вертикаль. И в этой связи особенно значимы зрелые стихи Проханова, четверостишия. Совсем недавно вышел альбом "Расплавленный свинец", в котором собраны 36 рисунков Александра Андреевича и все стихи, которые он написал за последние годы. В том числе потрясающие циклы "Наковальня", "Поэма на броне". Я процитирую оттуда пару четверостиший, чтобы дать почувствовать, что это за вертикальная связь с высшим потоком русских кодов. И сама по себе краткость, афористичность стихов доказывает эту вертикальную природу прохановского метода, настройки на одну высшую волну:

*Мы продвигались с боем к Приднестровью,  
Мы не искали серебра и золота.  
Мы написали праведною кровью  
Евангелие русского солдата.*

Одно четверостишие, которое высвечивает весь смысл происходящего с нами сейчас. Или вот, другое четверостишие, ещё более, может быть, разительное. Там несколько вещей были посвящены тому, как солдат слышит плач ребёнка и ползёт, очень долго ползёт через все препятствия, преграды. И вот последний из этих катренов звучит так:

*И я дополз до каменной руины,  
Ребёнок был разбитым и босым.  
— Кто ты, дитя несчастной Украины?  
Он тихо мне ответил: — Я твой сын.*

Вот от такого рода поэзии мы получаем мгновенный ответ на огромное количество вопросов: политологических, философских, исторических. Это доказывает, что художественный взгляд типологически выше других взглядов. И философы давно приходят к этому пониманию, ещё начиная с Канта, даже, может быть, отчасти и с Аристотеля. В художественном мышлении происходит синтез всех типов мышления: и философского, и научного в том числе. Потому что на самом высоком уровне любое знание: научное, математическое, философское, какое-то другое — является искусством. То есть это уже даже не мастерство, а более высокий уровень. И вот пример этого четверостишия — как суть может быть ухвачена в короткой формуле, в одном ёмком образе. А затем на эту формулу можно написать огромные комментарии, и это четверостишие как бы развернётся, будучи свитком, предельно сжатым сигналом понимания жизни.

Мы в Изборском клубе постоянно сталкиваемся с тем, что получаем некий толчок, импульс от основного создателя клуба — Александра Андреевича Проханова. И вокруг этого импульса рождаются новая разработка, новый труд или цикл работ разных авторов. Наиболее яркий пример — это идея "русского реактора", который засыпает, искусственно усыпляется, и потом, несмотря ни на что, пробуждается. Или идея "верочуения русской мечты", связанная тоже с "русским реактором". Это мечта о Царствии Божием, которая ведёт народ через века.



*Родина моя, трава измятая,  
Боль — из сердца пуля не измятая.  
Автомат для боя снаряжу,  
Вместо пули сердцем заряжу.*

Или вот это — ставшее песней:

*Милый мой, свиданье было долгим.  
Ми друзей вокруг у ни врагов.  
Белый пароход плывёт по Волге,  
А у Волги нету берегов...*

Образ Волги возникает и в романе "Таблица Агеева". Она в финале романа вливается в сердце главного героя, и он, замученный врагами, оживает.

Виталий АВЕРЬЯНОВ. Не просто образ, но и код! Кстати, этот метод сакрального реализма показывает, что каждый глубинный образ, символ — это код. И один из таких образов, который не попал в "Таблицу Агеева", но во многих произведениях Александра Андреевича присутствует, это образ Саур-Могилы в Донбассе. Он предстаёт как новый великий Мамаев курган, новая Сапун-гора нашего времени.

Ну и, конечно, сам холм Изборский как Холм холмов. Он рукотворный в данном случае, но является кодом кодов, как место снесения воедино и замешивания, закаливания в одной точке Русской земли всех русских земель, земель русского подвига и жертвы. Поэтому-то и Изборский клуб, чаша, вмещающая "изборское" сознание — это не какая-то писательская фантазия, а это глубинное, символическое, священное действо.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Я бы даже сказал, что есть не просто "изборское" сознание, есть "изборская" эстетика. Очень важный вопрос современности: какую эстетику мы сотворим? Скоро с фронта придут люди с богатырским жизненным опытом. Этот опыт наверняка они захотят излить в романы, стихи, подобно фронтовому поколению "лейтенантской прозы". Но мы же понимаем, что им понадобится определённая творческая подготовка, эстетическая база. Ахматова когда-то сказала об одном молодом авторе: "Голос прорезался, дело за судьбой". Но у нас будет зеркальная ситуация: "Судьба сложилась — надо ставить голос". И важно, чтобы этот жизненный опыт влился в новые мехи. Недавно на съезде Союза писателей России Проханов выступил с речью, где сказал, что если в 60-е годы динамику литературного процесса определяло противостояние деревенской и городской прозы, то сегодня таких очерченных творческих сил мы не наблюдаем. Может быть, их не заметили нынешние критики? И существует ли критика с тем мощным потенциалом, с которым она была в прежние времена, тоже вопрос. Но, на мой взгляд, именно Изборское сообщество способно создать эстетику, гносеологию, онтологию для потенциального творчества тех, кто сегодня и в будущем станет воплощать свой жизненный опыт. Будет ли это эстетика сугубо Проханова? Нет, конечно! Проханову невозможно подражать, на это просто ни у кого не хватит сил. Создание "изборской" эстетики, собрание вокруг себя нового творческого поколения, прошедшего сквозь огонь, — это задача своеобразного метафизического литературного института. Я думаю, перед Изборским клубом она стоит, и он способен создать подобный институт.

Виталий АВЕРЬЯНОВ. И здесь бы я, может быть, чуть-чуть поспорил. Я считаю, что у Проханова могут быть ученики, не в буквальном смысле слова... Такие ученики, которые буквально воспроизводят стиль, никогда не нужны учителю. А настоящие ученики будут обязательно. Они уже наверняка есть, в том числе и среди нас, и они ещё будут. Ученики — и как поэта, и как мыслителя, и, конечно, как действующего пророка...

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Мы продолжаем вдохновляться примером Проханова! Дай бог здоровья Александру Андреевичу! Мафусаливек ему!

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года  
Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.  
E-mail: [zavtra@zavtra.ru](mailto:zavtra@zavtra.ru) Электронная версия: <http://zavtra.ru/>  
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.  
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: [kr\\_zvezda@mail.ru](mailto:kr_zvezda@mail.ru)).

Тираж 18 700

Заказ № 1340-2023

Дата выхода в свет — 05.04.2023 г. Подписано в печать 04.04.2023 г. в 14.00, по графику — в 14.00

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ  
Ответственный секретарь — Наталья КЕРИМОВА